

Глава 8 Шестой год Шэньчу

А-Сюнь из семьи Се

А-Лай и её мать, обе в синяках, были втолкнуты в сарай и заперты внутри, снаружи стояли четверо крепких слуг.

А-Лай, беспокоясь о матери, спросила, не ушиблась ли она.

- Эти мелкие травмы - ерунда, - легко отмахнулась Сяоши от своих повреждений, поправляя волосы А-Лай. Она приподняла одежду дочери и обнаружила, что её хрупкое тельце покрыто синяками, а губы даже были исцарапаны ногтями Шестой Юной Госпожи.

У Сяоши кольнуло сердце, и она нежно обняла её, сказав:

- Бедная моя А-Лай, что тебе пришлось вынести.

- А-Лай не страдала. Эти травмы ничто по сравнению с теми, что я получала, когда мама учила меня боевым искусствам.

- Тш-ш-ш, - Сяоши дала знак говорить тише, не желая, чтобы те за дверью услышали.

Сяоши привела в порядок одежду дочери и велела ей сесть, не торопясь, словно чего-то ожидая.

После того как заперли А-Лай и её мать, Се Суйшань не находил себе места. Видя, что Госпожа Яо не вернулась в свои покои, ему не оставалось ничего другого, как собраться с духом и извиниться:

- Ваш сын некомпетентен, заставляет матушку волноваться.

Служанка принесла недоеденный сыр. Госпожа Яо маленькой серебряной ложкой нарезала его на кусочки, говоря:

- Хватит пустых слов. Твой отец вернётся через два дня. Человек уже мёртв, и сейчас самое срочное - решить проблему с беженцами, иначе беда нагрянет раньше, чем мы успеем завоевать какие-либо заслуги. Я слышала, что помощник начальника уезда Хэ и инспектор сегодня отправились в восточные окраины. Ты посылаешь кого-нибудь проследить за ними?

Се Суйшань вздрогнул:

- Инспектор здесь?!

Госпожа Яо вздохнула про себя, уже ожидая такой реакции сына.

- Твой отец неоднократно предупреждал тебя перед отъездом, чтобы ты хорошенько подумал, прежде чем действовать, а ты не только украд его официальный жетон, но и даже не знал о приезде инспектора. Ты поклялся открыть городские ворота и освободить беженцев, как ты теперь собираешься улаживать этот беспорядок?

Се Суйшань быстро ответил:

- Матушка, я осознал свою ошибку. Я не всё продумал. Я уже послал людей собрать и обуздать беженцев. Люди из уездной управы тоже задействованы, и я слышал, что из соседнего уезда

уже выслали передовые войска.

- Возможно, сейчас уже слишком поздно начинать их обуздывать. Инспектор сейчас в Цисяне. Нет гарантии, что Сунь Минъи не припишет эту катастрофу нашей семье Се. Не говоря уже о внешнем беспорядке, как ты объяснишь смерть Четвёртой тётушки своему отцу, когда он вернётся завтра? Ты же знаешь, как он её баловал.

Лицо Се Суйшаня побелело. Он забормотал:

- Смерть Четвёртой тётушки в конечном счёте её собственная вина. Она навлекла на себя эту беду, слоняясь где попало. Когда беженцы вошли в город, она всё ещё молилась о благословении, всё ради того, чтобы снискать расположение отца! И эта А-Лай, она даже не смогла должным образом защитить свою госпожу, намеренно выставляя меня в дурном свете!

Госпожа Яо бросила на него взгляд, заставив замолчать. Он огляделся, не видя признаков господина Юньмэна.

- Матушка, я пойду попрошу совета у господина Юньмэна.

Госпожа Яо кивнула.

- Иди.

Се Суйшань сразу же направился в покои господина Юньмэна. Служанка рядом с Госпожой Яо сказала:

- Госпожа, вам не стоит слишком волноваться. Сегодня вы ведь предостерегали Четвёртую тётушку не выходить, но она настояла на визите к семье Ван. Господин Се не сможет винить вас. Как говорится: "Если Повелитель Преисподней хочет кого-то забрать к полуночи, тот не доживёт до рассвета". Такова была её судьба, и это не имеет никакого отношения к молодому господину.

Госпожа Яо взяла кусочек сыра и, после того как он растаял у неё во рту, медленно проговорила:

- Даже если такова была судьба, ей не следовало умирать в такой критический момент. Вид этих грязных вещей не даёт спать по ночам. Пусть кто-нибудь приготовит кипарисовый отвар для раздачи.

- Слушаюсь, госпожа.

Се Суйшань, по мере того как он шёл по коридору, становился всё более тревожным.

Хотя господин Юньмэн был его учителем, в конечном счёте он был наёмным советником семьи Се, оплачиваемым его отцом, Се Тайханом. В вопросе смерти Четвёртой тётушки господин Юньмэн, несомненно, встал бы на сторону его отца и, возможно, даже убедил бы его признать свои ошибки. Когда-то его хорошо обучала женщина-учитель, но отец настоял на её увольнении, заявив, что мужчины и женщины не должны прикасаться друг к другу, и заменив старым ворчуном, который на самом деле был там, чтобы присматривать за ним и время от времени нашёптывать что-то отцу на ухо.

Нет, он не пойдёт к господину Юньмэну.

Се Суйшань долго бродил по коридору, наконец решив найти козла отпущения.

А-Лай была идеальным кандидатом. Как служанка, она не смогла защитить свою госпожу и сбежала одна. Если бы она позже раскаялась в своих действиях и выбрала извинение своей жизнью, это было бы разумным объяснением. Таким образом, кто-то взял бы на себя вину за смерть Четвёртой тётушки, а он был бы просто вспыльчивым юношей, совершившим непреднамеренную ошибку.

Да, так и будет.

- Эй, кто-нибудь!

Домочадцы быстро откликнулись на его зов.

- Где мать с дочерью?

- Докладываем молодому господину, как вы и приказали, они заперты в сарае, ожидая дальнейших распоряжений.

- Хорошо. - Се Суйшань вытащил меч из ножен у пояса, лезвие сверкнуло зловещим светом. На его лице появилось убийственное выражение.

Поведя слуг, он ворвался в сарай, вытащил А-Лай и прижал её к земле. Он приставил острие меча к её тонкой шеи сзади:

- Вероломная и неверная рабыня, думающая только о своей шкуре, - прошипел он. - Ты пользовалась жалованьем семьи Се и стала причиной смерти своей госпожи! Сегодня я наведу порядок в доме Се и отправлю тебя извиняться перед Четвёртой тётушкой!

А-Лай отчаянно сопротивлялась, проявив неожиданно огромную силу. Двое взрослых слуг с трудом сдерживали её.

Видя её непрекращающееся сопротивление, Се Суйшань занёс длинный меч, готовясь ударить. Но Сяоши встала перед А-Лай.

- А-Лай ещё молода. Если хочешь убить, убей меня! Я готова отдать свою жизнь за Четвёртую тётушку! - выкрикнула она.

Се Суйшань издал злобный смешок.

- Ты думаешь, я пощажу тебя? - презрительно фыркнул он, ткнув пальцем в лицо Сяоши. - Я давно хотел разорвать эту мерзкую женщину, опозорившую репутацию моего отца! Сегодня идеальный случай очиститься от вас, грязных тварей. Семья Се отныне станет намного чище!

Перед угрожающим мечом Се Суйшаня Сяоши даже не моргнула. Напротив, холодное ощущение охватило её, когда она столкнулась с человеком, кричащим о борьбе, убийстве и держащим против неё оружие.

Видя, что Се Суйшань долго не опускал меч, слуга не удержался и толкнул его локтем в спину. Се Суйшань очнулся, снова поднял меч и с криком собирался нанести удар.

Откуда-то раздался свистящий звук, за которым последовал резкий треск плоти, сопровождаемый криком Се Суйшаня.

Стальной меч упал на землю, а Се Суйшань отступил на несколько шагов, сжимая руку с распухшим красным следом от кнута. Он уже собирался обругать обидчика, когда увидел свою младшую сестру, А-Сюнь, стоящую у входа в сарай и держащую изящный кнут.

- Ты! Как ты смеешь бить меня! - Се Суйшань испытывал невероятную боль от удара кнутом, и между ним и А-Сюнь всегда была глубокая вражда. В этот момент его ярость достигла пика.

А-Сюнь, в возрасте пятнадцати или шестнадцати лет, имела крепкое и стройное телосложение после нескольких лет тренировок в боевых искусствах. Её чёрные волосы до талии были убраны в пучок на затылке. Он был закреплён сеткой, сплетённой из стальной проволоки, закрывавшей одну сторону. На висках таял снег. С овальным лицом, тонкими бровями и губами она обладала классической красотой. Однако долгое пребывание на солнце во время работы на семью Се придало её коже пшеничный оттенок, в то время как её сандаловый наряд словно был пропитан холодом снежной ночи.

- Я действовала опрометчиво в момент паники. Прости меня, брат, - сказала А-Сюнь, однако эти правильные слова не содержали ни капли реального раскаяния. Се Суйшань поднял длинный меч, намереваясь устроить с ней основательную разборку сегодня вечером. Однако господин Юньмэн появился в неподходящее время:

- Молодой господин, пожалуйста, не действуйте импульсивно.

- Это дело моей семьи! Вам лучше не вмешиваться, господин! - всё тело Се Суйшаня пылало гневом, он рвался вперёд, чтобы убить, желая устранить любого, кто ему мешал.

Ярость пожирала его сердце, но слова господина Юньмэна попали в цель.

Спокойным тоном господин Юньмэн сказал:

- Господин Се просил меня пригласить молодого господина в главный зал.

Услышав имя отца, хватка Се Суйшаня ослабла, и меч чуть не выскользнул из его руки.

- Отец... отец вернулся так рано? - Он был действительно ошеломлён. А-Сюнь, уехавшая в Яньчжоу с их отцом, была прямо перед ним. Что же особенного в возвращении их отца?

Господин Юньмэн слегка кивнул, и капля талого снега скатилась с его подбородка.

Домочадцы перевели взгляд на старшего молодого господина. Глаза Се Суйшаня беспокойно метались по толпе. Он вложил длинный меч в ножны, оттолкнул А-Сюнь и поспешил в главный зал.

- А-Лай, ты в порядке? - А-Сюнь убрала свой изящный кнут и помогла А-Лай подняться с земли. Она ожидала, что двенадцатилетняя А-Лай разрыдается после такого испуга. Однако, к её удивлению, А-Лай спокойно покачала головой и сказала:

- Я в порядке, сестра. Не стоит беспокоиться.

А-Сюнь взглянула на Сяоши, стоявшую в стороне. Хладнокровие, проявленное этими матерью и дочерью перед лицом смертельной опасности, застало её врасплох.

Господин Юньмэн на быстром коне проскакал более ста ли от Цисяня, чтобы известить её и её отца о наплыве беженцев в город и опасности, угрожающей семье Се. Он сказал, что старший

молодой господин намерен убить Сяоши и её дочь. Услышав это, А-Сюнь щёлкнула кнутом. Она спешила обратно домой против ветра и снега и прибыла как раз вовремя, сумев спасти их. А-Сюнь была свидетельницей жестокого облика Се Суйшаня, и последствия были бы невыносимы, если бы она опоздала хоть на мгновение.

А-Сюнь заметила, что уголки рта А-Лай ужасно распухли, из пореза сочилась кровь. Когда она нежно коснулась их, А-Лай вздрогнула от боли, резко вдохнув.

А-Сюнь сказала:

- Пойдём со мной, я дам вам обоим лекарство в своих покоях.

А-Сюнь проводила мать и дочь в свою комнату, в то время как Се Суйшань бросился в главный зал. Едва он переступил порог, его встретила чашка с чаем, летящая ему в лоб. Горячий чай с чаинками окатил всё его лицо, не дав даже посмотреть на отца.

- Глупец, который не знает, жить ему или умереть! - Отец, Се Тайхан, был в ярости, его длинная борода стояла дыбом. - Ты хоть представляешь, какую беду навлёк? Ты посмел открыть городские ворота без моего разрешения?! Почему ты не посоветовался с господином Юньмэном перед тем, как действовать?! Сколько жизней было потеряно из-за твоей безрассудности?!

Се Суйшань с глухим стуком опустился на колени, пытаясь объяснить:

- Отец, успокойтесь, пожалуйста. Ваш сын думал о текущей ситуации с голодом. Император обязательно издаст указ...

Не успел он договорить, как Се Тайхан пнул его в плечо, сбив с ног.

- Разве ты не знаешь своих возможностей?! Ты ни разу не добился ничего приличного с самого детства! А теперь смеешь рассуждать о намерениях Его Величества? Ты что, хочешь меня в гроб загнать?!

Госпожа Яо подошла и мягко положила руку на грудь Се Тайхану, пытаясь успокоить его.

- Разве Чэнъи не пытается принести пользу семье Се?

Чэнъи было вторым именем Се Суйшаня. Ему только что исполнилось двадцать, и это имя было выбрано совсем недавно.

- Какую пользу он может принести?! Он и о себе позаботиться не может! Он полный идиот! Он даже в подмётки не годится своей сестре! - Се Тайхан был действительно разгневан, даже успокаивающие слова госпожи Яо не могли его утихомирить.

- Смотри на себя, это потому, что ты всегда говоришь, что он уступает А-Сюнь, вот он и пытается отчаянно чего-то добиться, надеясь изменить твоё мнение о нём. У Чэнъи благие намерения.

- Даже самые лучшие намерения у болвана могут привести только к неприятностям! - закричал Се Тайхан. - Отведите его в зал предков! Пусть правила нашей семьи его научат!

Видя, что он полон решимости наказать сына, Яо перестала пытаться его остановить и бросила на Се Суйшаня взгляд, означающий: «Просто потерпи».

Се Суйшань оттолкнул приближающихся слуг и с холодным фырканьем направился к залу предков.

- Посмотрите на этого непочтительного ребёнка, становится всё более непокорным! Так ли он должен обращаться со своим отцом? Он и понятия не имеет, какие вещи он натворил! - Се Тайхан проехал сто миль обратно и уже был измотан. Но перепалка с сыном ещё больше разозлило его. Он тяжело опустился в кресло и велел налить ему ещё чашку чая.

Госпожа Яо тоже страдала от головной боли, но её занимали другие мысли.

- Муж мой, разве ты не должен был вернуться завтра? Почему ты так спешно вернулся посреди ночи?

- Если бы я не вернулся, боюсь, весь Суйчуань не справился бы с ним!

Госпожа Яо бросила взгляд на господина Юньмэна, который молча стоял рядом, его лицо всё ещё пылало от сильных эмоций. Не нужно было слов, госпожа Яо всё поняла.

Сяоши не вошла в покои А-Сюнь. Она сказала, что в саду ещё остались незавершённые дела. Её травма была несущественной, поэтому она отправила только А-Лай.

Наблюдая, как её мать уходит, прихрамывая, А-Лай погрузилась в раздумья.

Перед лезвием Се Суйшаня ни она, ни Сяоши не были бесстрашными. Просто Сяоши была подготовлена.

Её мать уже предвидела, что Четвёртая тётушка, вероятно, столкнётся с напастью на этот раз, и что Се Суйшань может даже иметь убийственные намерения по отношению к ним, матери и дочери. Поэтому она быстро приняла решение и достигла какого-то соглашения с господином Юньмэном.

А-Лай не знала, о чём именно они договорились. В то время мать попросила её подождать снаружи, и она не могла подслушивать. Но она чувствовала, что это соглашение должно иметь большую привлекательность для господина Юньмэна. Иначе, будучи слабым учёным, он не рискнул бы стать беглецом в снежную ночь ради этого соглашения.

К счастью, её мать обладала острой проницательностью и отпустила господина Юньмэна раньше. Се Тайхан и её сестра А-Сюнь вернулись как раз вовремя.

Сопоставив всё увиденное и молча прояснив ситуацию, А-Лай восхитилась своей матерью, которая молча планировала и стратегировала.

Когда она вошла в комнату А-Сюнь, знакомый аромат благовоний постепенно смягчил напряжённые эмоции А-Лай.

А-Сюнь жестом пригласила её сесть на край кровати и, порывшись в аптечке, нанесла мазь на её раны.

- Ты становишься смелее по мере взросления. Повсюду людоеды-бандиты, а ты осмеливаешься бегать по городу в одиночку. - Тон упрёка А-Сюнь отличался от тона хозяйки. Это не было снисходительным тоном госпожи к служанке, а заботой и беспокойством старшей сестры о младшей.

Кроме А-Сюнь, никто в семье Се не относился к А-Лай как к истинному представителю крови Се, и они даже стыдились упоминать об этом. Но А-Сюнь была другой. Даже перед посторонними А-Сюнь позволяла ей обращаться к ней напрямую как к «сестре». Так что в семье Се, помимо матери, А-Лай была близка только с А-Сюнь.

А-Сюнь круглый год практиковала боевые искусства, поэтому в её комнате, в отличие от комнаты обычной девушки, редко можно было найти косметику или материалы для рукоделия. Вместо этого у неё были различные лекарственные травы для лечения травм. Она нанесла мазь на уголки рта А-Лай. Мазь была прохладной и быстро облегчила жгучую боль от раны.

- Жаль, что в конце мы так и не смогли спасти Четвёртую тётушку. - Вспоминая историю, которую её мать рассказывала о том, как Четвёртая тётушка помогала им в трудные времена, А-Лай чувствовала себя виноватой из-за сегодняшнего происшествия.

А-Сюнь не продолжила тему Четвёртой тётушки. Для неё дела в задних покоях были мелкими и не стоили того, чтобы тратить на них энергию. Она продолжала рыться в аптечке и небрежно сказала:

- У тебя на теле, должно быть, немало травм. Сними одежду, сестра нанесёт тебе лекарство.

<http://bllate.org/book/17227/1612186>